

Нурлан АБДЫКАДЫРОВ, Назик АБДЫКАДЫРОВА

ВСЕЛЕННАЯ ДУХОВ

Киноповесть (журнальный вариант)

Нивхи – народ, культура которого создана неолитом. Значит, нетленные образы высочайшей любви были созданы людьми еще в каменном веке. В этом веке человек уже полностью сформировался и в интеллектуальном, и в эмоциональном отношениях. Так почему же так называемый цивилизованный мир презирает народы, подобные нивхам, называет их дикарями, считает их первобытными, неполноценными, уничтожает их, стирает с лица земли? В своем пустом мещанском самодовольстве этот мир отказывает в праве на человеческое достоинство тем, кто является подлинными людьми, не желая даже заглянуть в их мысли, в их душу. Он готов унижить всё, даже человеческое прошлое, лишь бы в своих собственных глазах выглядеть великим.

Е. А. Крейнович

1

К'эн и лен – солнце и луна, раз за разом сменив друг друга, уходя в иной, подземный мир, не спеша вернулись к нивхам. Ранним утром, отправляясь из своего селения у реки на охоту в горную тайгу, двое нивхов провели обряд подношения – ч'аунд айнд – хозяину гор и тайги Пал Ызу, чтобы он отпустил к ним на помощь своего главного слугу – медведя, а тот пригнал бы на их тропу какую-либо добычу. Но на всем пути Напуин и сын его Лонгун так и не встретили в тайге ни одного зверя. Окрестные леса словно враз опустели, чем-то напуганные звери попрятались, не было видно и птиц, лишь тишина, и ни одного следа на земле, ни одного звука. В полдень в верхней части реки они услышали резкие, громкие хлопки. Удары грома нивхи считали шумом крыльев огненных птиц – тьынт. Однако рассекающей небо огненной птицы и грозовых туч не было видно на горизонте, лишь солнце двигалось к закату.

Преодолевая страх, охотники поспешили к месту, откуда раздавалось тихое подобие грома. За вторым изгибом реки они обнаружили следы никогда прежде не виданных животных. Переглянувшись, отправились вслед за ними, быстро догнали необычных животных и управлявших ими то ли людей, то ли демонов. Низкие коротконогие звери с гривастыми шеями, пушистыми хвостами, большими безрогими головами походили на лосей и оленей. Они непривычно стояли, привязанные к деревьям, а рядом двигались белые большеглазые демоны, копавшие чем-то острым веками неприкосновенную землю нивхов. Двое из них, держа в руках темные палки, направили их в сторону деревьев, и из палок вдруг вылетело несколько громяющих крыльями крохотных огненных птиц. Услышав грохот, юноша Лонгун вздрогнул, присел на колени, посмотрел на небо, полагая, что огненные птицы поднялись туда и сейчас вернутся назад. Тем временем остальные злые духи – пришельцы продолжали яростно рыть землю на берегу реки. Ковыряя песок под водой, они собирали его в емкости, ссыпая через какие-то сети на землю.

Среди необычно одетых белых людей, мерещившихся нивхам злыми духами, они заметили мужчину рода уйльта из соседних земель, облаченного в национальные одежды. Орок-уйльта угодливо бегал вокруг пришельцев, во

всем помогая, потом ушел в лес и, притащив дрова, развел костер. Приготовив себе пищу, пришельцы неспешно ели, присев у костра, громко разговаривали. Было ясно, что они не трепещут перед духами темноты, не боятся всего живущего, дышащего вокруг них в ночи. Не преклоняясь перед окружающим их живым миром, они смело игнорировали местного бога – хозяина гор и тайги Пал Ыза. Напуганные таким святотатством, отец Напуин с сыном Лонгуном, не разводя костра, поели сушеной рыбы и заснули у дерева, временами пробуждаясь и следя за костром пришельцев.

С утра охотники вновь двинулись за белыми людьми, а те свернули из равнинной тайги в горные лесные массивы. По пути Лонгун поглядывал на отца, тот время от времени тоже озирался по сторонам, следя, куда, опережая его, несся взбудораженный сын. Они пребывали в страхе, поминутно переживая друг за друга. Выскакивая вперед отца, находя удобную тропу меж каменных склонов предгорья, Лонгун неосознанно пытался защищать отца от бредущих впереди демонов-пришельцев и мрачных неожиданностей дикого леса. Следуя за пришельцами, юноша опасался, что те могут пустить в них огненных птиц, дремавших в их грозных пламенных палках. Смерть, наступавшая от удара огненной птицы, была греховна, и потому Лонгун охранял отца, готовый спасти его даже ценой собственной жизни.

Лонгун не был похож на отца и мать. Он больше походил на дядю Ыкылака, давно изгнанного из их рода. И он нервничал, сердце его колотилось, когда ему напоминали об этом. Мальчик всегда старался доказать, что он продолжение своего отца Напуина, той же крови и плоти, и души их схожи, как близнецы. Напуин же с некоторых пор перестал мучительно размышлять, на кого похож его сын Лонгун. В последнее время он часто забирал с собой на охоту повзрослевшего сына. И тот каждый раз был готов спасти отца от любого хищника, а сегодня еще и от злых пришельцев.

Лонгун заметил, что отец помрачнел с появлением здесь уйльта – проводника, и внимательнее наблюдал за соседом-ороком, нежели за пришельцами. Стоило уйльта посмотреть на деревья в их стороне, как в глазах отца вспыхивали и возгорались ненависть и ярость. Юноша Лонгун не помнил покинувшего их род Ыкылака, потому не узнавал своего дядю. Напуин же понимал, что изгнанный старший брат чувствует и осязает, что они идут следом. Как и все нивхи, несмотря на то, что проживал в ином краю, Ыкылак оставался величайшим охотником. Много лет назад он покинул их, переместился на материк, прижился среди жителей прибрежных земель, растворившись в ином времени и пространстве. Но вчера зло по имени Ыкылак, рожденное в одном доме с Напуином, вернулось на землю предков.

Отстав от пришельцев, скрывшихся за первыми холмами, отец и сын, сев среди травы, раскурили трубку, любуясь цепью гор у горизонта. Приютившая их гора-Паль конусообразной вершиной уходила в небо. Горные склоны были покрыты многовековыми соснами, лиственницами, пихтами, сплетающимися растениями. Многообразие этого мира представало частью первозданной, как космос, природы. Среди вековой тишины между холмами перебежала по пологим скатам горная река. Где-то среди деревьев тонко пищала пичуга, она перекликалась с изредка нарушавшей тишину кукушкой. Словно споря с ними, вдали за холмом беспокойно покрикивала сорока, перелетая с дерева на дерево. Она предупреждала мир тайги об опасности, сопровождаая пришельцев, болевших золотой лихорадкой.

Позади сидевших на земле нивхов, ближе к вершине горы, появился лось – священный демиург Курн вселенной нивхов. Остановившись, он настороженно смотрел на реку, мелькавшую меж деревьев. Между рогов демиурга показалось полуденное солнце. Лось и нивхи слушали шум реки, перекликавшихся птиц,

пищавших мелких зверушек, когда среди этих мирных звуков раздалось ржание лошадей, лай собак, громкие выкрики пришельцев. И тут же всё перекрыл собой продолжительный несмолкающий рев медведицы, затем отчаянные вопли, бешеный лай собак, звуки, схожие с хлопанием крыльев огненных птиц. Не понимая, как можно управлять огненными птицами, нивхи с ужасом слушали грохот, исходящий от выстрелов ружей. Испугался этого грохота и лось, отбежал на некоторое расстояние, остановился и глядел на Напуина и Лонгуна, которые, пригибаясь к земле, спешили в сторону доносившегося шума. Заметив лося, Напуин остановился, что-то бормоча под нос, склонил голову к груди, приложил оба кулака ко лбу. Придя в себя, побежал за сыном, который уже взобрался на склон горы и, присев за густым кустом, неотрывно смотрел на берег реки. Внизу пришельцы вытаскивали из-под туши убитой медведицы придавленного ею мертвеца. В стороне, лежа на камнях, скулила смертельно раненая собака, тщетно пытаясь встать. Мужчины, подтолкнув жерди под медведицу, наконец смогли приподнять тяжелую тушу и вытащить из-под нее убитого казака.

Лонгун молча указал рукой на гору за рекой. Напуин разглядел среди деревьев прячущегося крохотного медвежонка. Малыш бегал по горе среди деревьев, не решаясь спуститься к реке. Но страх отступал перед силой любви к матери, он не мог покинуть мертвую мать. Пришельцы, пользуясь своими необычными орудиями, быстро нарубили небольших деревьев, связали их вместе. Выкопав в земле яму, уложив в сколоченный из жердей ящик мертвого товарища, они опустили под землю мертвеца, удивляя этим нивхов. Засыпав ящик землей, казаки закрепили на вершине возникшего холмика высокую жердь, прикрепив к ней две более короткие поперечные – посередине и наверху. Наблюдая с вершины холма за происходящим внизу, нивхи пребывали в растерянности и гневе, ибо пришельцы оскверняли землю, которую хозяин гор и тайги Пал Ыза запрещал трогать людям.

– Землю режут, реку оскверняют, причиняют им боль. Хозяин гор, хозяин реки отомстят им. Пусть идут вверх, хозяин гор встретит их, накажет каждого, – успокаивал сына Напуин, а сам неотрывно следил за ненавистным братом Ыкылаком, который во всем помогал пришельцам.

Закончив с погребением мертвеца, пришельцы принялись собирать вещи, крепить их на спины гривастых, хвостатых своих зверей. Подойдя к собравшемуся возвращаться домой уйльта – проводнику, главный пришелец протянул ему грозную огненную палку. Взяв ее, Ыкылак в знак благодарности низко поклонился. Поглядывая на них, расстроенный Напуин сказал сыну:

– Ыкылак родился дьяволом, потому они делятся с ним огненной палкой с огненными стрелами. Огненные стрелы, вероятно, младшие братья огненным птицам.

Командир казаков похлопал по плечу уйльта Ыкылака и, рассматривая кусочек найденного золота, глянул на реку:

– Мои солдаты мечтают о золоте, золото мечтает о них. Но всё еще впереди. Нет золота внизу, значит, должно быть в горах. Я знаю, что такое горы. – Старший пришелец, развернувшись, пошел к своим подчиненным.

Ыкылак, провожая его взглядом, крикнул ему вслед:

– Видел следы двоих местных нивхов. Зачем-то идут за нами. Испытаю на них ваши огненные стрелы, отправлю их души в другой мир. Вернусь через три луны, догону вас наверху.

Показав рукой вверх по течению реки, поклонившись остальным пришельцам, Ыкылак развернулся и отправился в сторону леса. Казаки принялись отвязывать лошадей, подтягивать седла и стремяна, разворачивая своих груженых зверей в направлении гор, откуда, рождаясь, приходила река. Двое из казаков приблизились к берегу, где лежала раненная медведицей собака, добились

ее выстрелами из ружей, и та перестала скулить. Протащив тело собаки между камней, казаки бросили его в реку. Возвращаясь, несколько раз выстрелили в тушу медведицы – отомстили за собаку. Медвежонок, наблюдавший за ними с пригорка, вздрогнул, привстал на задние лапы и, не оглядываясь, побежал в гору. Спутники стрелявших казаков, усевшись на коней, обернулись к оставшим, что-то крикнули им, погнав лошадей вперед. Оба казака прикрепили ружья к седлам и, двигаясь меж валунов вдоль реки, направились следом за своим отрядом к вершинам гор.

Дождавшись, когда прищельцы скрылись из виду, нивхи стали спускаться к реке. Возбужденный отец короткими словами выдыхал свой гнев:

– Всё, что грех, – для них радость. Злые существа, духи зла. Души и тела сородичей-чертей прячут под землей. Во всех в них сидит дьявол.

– В палках у них спрятаны огненные птицы, может, они люди хозяина небес? – сын Лонгун, впервые видевший ружья, приходил в себя после испытанного потрясения.

– Пришлые – злые духи. Могли они огненных птиц выкрасть у хозяина неба? Могли, – Напуин, переговариваясь с сыном, приближался к реке. Сын спешил за ним.

– Звери под ними, откуда они? Неужто это лоси без рогов? Если небесные существа лоси под ними, то кто они? Злые духи – рабы хозяина небес?

– Нет, те незнакомые существа не лоси. Лоси – святые проводники в невидимый мир. Это злые духи в шкурах невиданных зверей. И сидят на них злые духи, – Напуин, отвечая сыну, быстро подошел к реке. Сын озирался по сторонам, искал глазами медвежонок, но тот никак не проявлял себя.

У реки нивхи осмотрели стоянку прищельцев – место, где стояла палатка. На земле валялся мусор: консервные банки, промасленные, пропитанные воском обрывки бумаг. Осматривая потухший костер, Напуин подобрал лежавшую на песке спичку и внимательно ее разглядывал. Присев возле туши медведицы, Лонгун осматривал пулевые дыры на ее шкуре. Ухватившись за шкуру одной рукой, второй он собирался вырезать ножом эти окровавленные, простреленные куски шкуры.

– Покажу молодым следы огненных стрел.

– Бездыханный зверь сразу может стать пристанищем дьявола. Сын, держись подальше от него.

Лонгун испуганно глянул на отца, резко отдернув руку. Достав ножи, отец и сын принялись вытаскивать из веток соседних деревьев священные инау в виде вьющихся стружек, чтобы украсить ими тело медведицы. Они оставили мертвого зверя рядом с чвэ – деревом, у которого согласно традиции убивают медведя.

– Иди к своему хозяину. Иди, взберись на самую высокую гору. Прощай! Возродись в новой шкуре, – отец Напуин повесил еще несколько инау на дерево. Юный Лонгун знал, что не тело, но душа – основа бытия любого природного существа. Важна душа, которая вернется к своему властелину – хозяину гор и тайги, к хозяину моря, к хозяину неба. Хозяин души вновь подарит им новые тела, отправив в новую жизнь.

Закончив обряд возвращения души горного человека, живущего в медведе, к хозяину гор, вечером отец и сын вернулись к спрятанной в кустах у реки лодке. Спускаясь вниз по реке, они заметили осиротевшего медвежонок. Он бежал за ними по противоположной стороне реки, издавая жалобные звуки. Вместе с темнотой над тайгой сгустились грозовые тучи, начался дождь. Иногда впереди по течению реки вспыхивали проблески молний. Стоя в лодке под дождем, отталкиваясь шестами о дно реки, нивхи двигались вниз по течению, временами лоя глазами медвежонок. Преследующий охотников медвежонок постоянно терял их из виду. Стоило лодке повернуть за изгиб реки, они исче-

зали за валунами, за деревьями, за утесами гор, пока наступившая темнота окончательно не поглотила их.

Промокнув до костей, охотники продолжали гнать лодку вниз по течению. Усилившийся дождь заливал ее, ноги охотников хлюпали в воде. Раскаты грома участились, молнии били одна за другой, попадали то в дальнюю сопку, то рядом в лес. Справа от них молния попала в дерево, оно воспламенилось. Следующий удар молнии пришелся в реку впереди по течению.

– Кажется, огненные птицы ругаются с хозяином воды. Может, мы их чем-то разозлили? – Напуин перестал работать шестом, сын повторил за ним. Настороженно глядя вперед, молча переглядываясь, отец и сын направили лодку к берегу. Причалив в крохотной заводи, они принялись собирать вещи со дна лодки, бросать их на берег. Покончив с ними, поддерживая друг друга, стали перебираться к носовой части. Неожиданно сбоку из-за деревьев вышел проводник – уйльта, направляя на них дряхлое ружье. Остановившись у реки, Ыкылак принялся рассматривать брата и племянника, которых не видел уже несколько лет. – Брат Напуин, давай обнимемся. Столько лет прошло. Забыл старшего брата? Я скучал, а ты нет? – Ыкылак ехидно улыбался.

Ыкылак, прижившийся на материке в роду уйльта, по манерам, по одежде походил на чужака. Заметив вышедшего из леса брата, Напуин вначале испугался, но, собравшись, решил дать волю давно созревшей мести. После конфликта, возникшего между ними из-за жены Напуина, младший брат давно был изгнан из селения, однако давние обиды не отпускали обоих. Ыкылак неотступно преследовал женщину, пытался ночью поймать в селении, днем в лесу. За нарушение законов нивхов старейшина рода и братья отца прогнали его прочь. И вот Ыкылак продолжал целиться огненной палкой в родичей, и тогда Лонгун, жаждавший показать отцу неприязнь к Ыкылаку, заслонил собой Напуина.

– Сын твой, но похож на меня.

– Замолчи, – Напуин собрался обойти сына, защитить его от смерти, как вдруг над рекой вспыхнула молния, и огненная дуга ударила в лодку. На обоих стоявших в ней воспламенилась одежда. Напуин, оказавшийся позади сына, рухнул на дно лодки. Лонгун, не успевший прыгнуть в воду, сраженный молнией, упал на ее борт. Тело оказалось наполовину в воде, голова, плечи, руки безжизненно повисли. Шубы из собачьей шкуры, нижняя одежда горели и дымились на лежащих охотниках. Ыкылак, испуганно отступивший назад, наблюдал, как река сперва качнула, затем потащила лодку прочь от берега. Следующая молния мгновенно последовала за предыдущей и ударила в беззащитное суденышко. Борта его вспыхнули, некоторое время полыхали, но, не разгоревшись, принялись тлеть и дымить. Боясь, что следующая птица-молния расправится и с ним, Ыкылак стремительно скрылся в лесу. Удаляясь вниз по течению реки, лодка с мертвецами исчезла в темноте.

2

Селение погибших Напуина и Лонгуна пребывало в тревоге, ожидая возвращения исчезнувших отца и сына, горюя в предчувствии недоброго, легко рождаемого от витающих вокруг злых духов, – нивхи с младенчества тысячелетиями жили в сложной вселенной. В мире нивхов вплоть до песчинок, камешков, травинки – всё имело незримые как враждебные, так и добрые души. Пережив затяжную зиму, они всё еще обитали в холодоустойчивом жилище, готовясь переселиться в легкие летние хижины на берегу реки, впадавшей в море. Их зимнее жилище – большой бревенчатый дом стоял на краю небольшого холма, а внизу у устья реки – летние хижины на сваях. Столбовой каркас, стены из горизонтальных бревен, вставленных заостренными концами в пазы вертикальных столбов. Двускатная крыша была покрыта травой.

Посреди четырех костров, разложенных перед зимним жилищем, прямо на земле, усыпанной стружкой, восседала шаманка Чамук. Скрестив ноги, уперев руки в колени, широко раздвинув локти, она энергично раскачивалась из стороны в сторону. Голова смещалась вслед за этими движениями, при этом она бормотала, временами выкрикивая приветствия и протесты невидимым духам, вместе с которыми порхала в небесах. Напротив на пне сидела ее дочь Лидык, внимательно наблюдающая за матерью. Дочь хотела видеть, найдет ли она души Напуина и Лонгуна, за которыми отправилась несколько часов назад.

Неподалеку за домом старухи Ычика Лискыт жена старейшины рода пилана Койвуна собирала дрова. Сам же старший из братьев рода пилан Койвун, его средний брат старик-хемара Иткун, его жена Ычика Умхун, младший брат хемара Паркизин с женой Ычика Уюк сидели у костра в центре доме. Они ожидали возвращения мужчин, отправившихся на поиски сына и внука старика Паркизина. Палгун, сын пилана Койвуна, и Чалун, сын старика Иткуна, на рассвете вчерашнего дня ушли в лес за исчезнувшими братьями, но до сих пор не вернулись, потому родичи впали в тревогу и грусть.

Их дом был единой гигантски огромной комнатой без потолка, с земляным полом. Дымоходы от двух очагов обогревали широкие нары вдоль стен. В центре дома стоял высокий настил на столбах, в сильные морозы на нем держали и кормили ездовых собак. На нарах, перекладинах висели кухлянки из тюленьей кожи, кафтаны из синей китайки, одежды из собачей шкуры, летние костюмы – армяки из рыбьей кожи. На полу лежали длинные торбаса, сапоги из тюленьей кожи. Мужчины и женщины, усевшиеся за спинами стариков, были молчаливы, угрюмы. Головы ничем не покрыты, а черные и гладкие волосы заплетены в косы. У мужчин одна коса, у женщин по две. Все молча смотрели на костер и спины стариков.

Обговорив всё, что можно, старики и старухи, уперевшись глазами в костер, чувствовали в нем вечную манящую силу, дарующую успокоение душе. Костер потрескивал подобно живому святому духу, не уставая посвистывали горящие дрова. Мальчик Инаукун, сын Чалуна, внук Иткуна, заморожено смотрел на огонь, словно пытаясь проникнуть в его душу, овладеть его магической силой. Старейшина рода пилан Койвун продолжал выстругивать маленьким ножом амулет в виде луны и солнца, связанных между собой веревочкой. Мужчины и женщины, парни и девушки, дети разбрелись по нарам и, ложась спать, не сняли верхней одежды по горькой традиции, принятой нивхами в ожидании пропавших родичей.

– Паркизин, твой сын большой охотник, всегда возвращается к ждущим братьям. Знаю, обязательно придет назад. С ним вернется и твой внук Лонгин, – пилан Койвун выпустил изо рта дым, передал дымящуюся трубку брату Паркизину. Тот молча кивнул головой, передал трубку старику Иткуну, прикрыл рукой влажные туманные глаза, заполненные трепетом страха тяжелейших ожиданий.

– Полдня таращишься на огонь, иди спать, – старуха Умхун бросила коренья и кусочки еды в огонь, подкармливая хозяина огня, перевела уставший взгляд на маленького Инаукуна.

Старуха Уюк продвинула подальше в огонь кусочки пищи, брошенные родственницей, поддерживая их, заговорила с духом огня:

– Хозяин огня, всевидящий, щедрый отец нашего рода... Передай моим родичам, обитающим среди горных, морских, небесных богов, пусть они укажут и откроют путь к дому моим детям.

Мальчик Инаукун, не отводя взгляд от ее рук и лица, на коленях переполз в угол жилища, где у входа, в небольшой клетке, разделенной пополам перегородкой, сидели молодой заяц и две юные куропатки. Присев у клетки, Инаукун стал бросать им зерна, наблюдая, как те едят. Вошедшая в жилище

с охашкой дров старуха Лискыт, раздраженно глянув на Инаукуна, бросила разрубленные ветки деревьев в сторону клетки, испугав зайца и птиц.

– Вместо никчемных нахлебников найди и приведи сюда работающую жену, – буркнула она.

– Они не нахлебники. А как появится у меня жена, научу ее растить таких зверьков и птиц. Много будет их здесь, зимой порадуетесь. Забудете, что такое голод, – Инаукун улыбнулся, но старуха Лискыт продолжила поучать и спорить: – От собак много разной пользы, демоны их сторонятся, а эти лесные чудища – всегда чужие, кто в них спрячется, какой злой дух, никогда не узнаешь.

– А собаки разве не были чужими, пока из лесу не пришли? – Инаукун нашел в вопросе нужный ответ и обрадовался своей находчивости. – Собак послало небо. Хозяин неба. Они неповторимые существа. – Приручу жить возле дома много таких зверей и птиц, охотиться станем поменьше. Пройдет много зим, лето за летом, и наши дети тоже начнут говорить, что эти зверьки посланы небом, – Инаукун, поглядывая на птиц и зайца, придвинул клетку поближе к себе.

– Ты, вижу, мнишь себя провидцем, посланным небом. Сперва доживи до своих детей, а дальше до их детей.

Пилан Койвун удивленно посмотрел на свою жену, укорявшую Инаукуна. Лискыт, заметив раздраженность в его взгляде, вновь ушла в темноту за дверь. Инаукун прислонился спиной к стене, закрыл глаза и скоро задремал. Блики масляной лампы играли на его лице, пока он дремал, обняв клетку с зайцем и куропатками, изредка вздрагивая во сне.

Старики стали готовиться ко сну. Вновь вошедшая в дверь старуха Лискыт окликнула Инаукуна, но он не услышал ее, не отозвался.

– Эй, иди спать, кого ждешь?

Старуха Лискыт прошла на свое место, села на нары, а Инаукун продолжал смотреть свой сон, прислонившись спиной к стене у входа. Во сне он оказался на берегу реки, где пришельцы похоронили своего товарища казака. Взглянув на свои руки, Инаукун заметил, что обе его руки связаны веревками, которые прикреплены к кресту, что стоит на могиле. Из-под земли показалась рука мертвого человека. Медленно, словно змея, мрачный мертвец выбрался из могилы и набросился на Инаукуна. Резко открыв глаза, испуганный Инаукун смотрел в потолок, учащенно дыша. Сев на настил и глядя на старика со старухой, сидящих у тлеющего огня, на четвереньках пополз к ним. Сев рядом, посмотрел на них, затем на огонь. Двое пожилых и юный нивх долго молча взирали на костер. Достав из-за пазухи сушеные ягоды, Инаукун принялся скармливать их огню. Положив сверху на них ветки от ели, наблюдая, как они горят, зашептал:

– Хозяин огня, помоги братьям вернуться. Двойники их духов пришли во сне, бились с каким-то белым дьяволом, он спрятался в землю, потом вылез и бросился на меня, я и проснулся.

Услышав скрип двери, Инаукун оглянулся – со двора вошли шаманка Чамук и ее дочь Лидык. Шаманка шла по дому всё еще в странном состоянии. Обойдя жилище, забралась на помост с собаками, хватая каждую за голову, заглядывала в глаза:

– Не через вас злой дух проник в наше жилище? Вижу, пошел с нашими братьями в лес, устроив козни, всем путь в лесу перекрыл.

Оставив в покое собак, шаманка вдруг уставилась на клетку, устремилась к ней. Открыла дверцу, схватив куропатку, затем зайца, извлекла их наружу. Сунув куропатку дочери, свободной рукой шаманка взяла нож. Дочь шаманки виновато посмотрела на Инаукуна, тот ошарашенно глядел то на шаманку, то на ее дочь.

– Вот они, чужаки, обитель чертей. Демонов, страшущихся вида крови, поставим против них.

Шаманка долго смотрела в глаза зайцу, затем слегка надрезала ножом переднюю лапу. У зайца засочилась кровь, он принялся дергаться. Открыв дверь, шаманка выпустила его в темноту за дверь:

– Найди наших братьев, отпугивай чертей.

Закончив ритуал, шаманка резко села калачиком у стены, ушла в себя, но продолжала тихо бормотать:

– Дочь, слышишь, дух-хранитель дома твердит – всё чуждое гони.

Дочь, растерянно озираясь, держа в руках куропатку, открыла клетку, запихнула туда птицу, села у двери. С улицы в мокрых одеждах вошли Чалун, отец Инаукуна, и Палгун, сын пилана Койвуна. Инаукун, бросившись к отцу, снял с него верхнюю одежду, развесил ее на жердях рядом с очагом. Чалун и двоюродный его брат Палгун молча сели у костра, завороченно глядя на огонь. Закурив трубки, долго молчали, пока Чалун, более старший, не заговорил:

– Два солнца в пути, и никого вверх по реке, никого по всем лесам. Ни одного следа.

Старик Паркизин, ожидавший добрых сообщений о сыне и внуке, совсем скис. Заметив, что у старика, понуро опустившего голову, распустился конец тонкой косы, Чалун заботливо поправил ее, завязал на ней ленточку. Пилан Койвун, закончив скоблить амулет с солнцем и луной, потянул к себе Инаукуна. Тот повернулся к нему лицом и, переместившись, сел рядом. Нежно и очень аккуратно пилан Койвун надел ему на шею амулет. Амулет состоял из выточенных из лиственницы, связанных веревочкой прообразов солнца и луны. На солнечном диске имелось плоское изображение, круг – солнце с шестью отходящими от него лучами, на каждом из которых располагалось еще по одному солнцу. Центральный круг – солнце был выточен с крест-накрест перечеркнутыми двумя линиями.

– Глаза приносящего счастье Инаукуна, смотрите далеко вперед, как луна и солнце. Предсказывайте беду. Демоны и черти боятся такого амулета, бегут прочь от луны и солнца. – Пилан Койвун обнял, благословил провидца мальчишку.

Осматривая амулет, Инаукун некоторое время слушал старейшину пилана, заговорившего с братьями и их сыновьями. Оставшись без внимания, Инаукун нырнул в темную низкую дверь, выбрался на улицу. Настороженно озираясь вокруг в мрачной ночи, словно ожидая нападения злых духов, крепко держа копы в руках, он направился от хижины к гуще деревьев. Собаки, встретившие его в темноте, быстро разбежались по сторонам, лишь одна из них побрела за ним к деревьям. Инаукун осматривался вокруг в мире ночи, освещенном луной. Тучи комаров, мелькающие загадочные тени, поблескивающие огоньки – всё вокруг посапывало, поскрипывало в темноте, лягушки надрывали глотки вдали у реки. Скрывшись в темноте, мальчик исчез из виду, но было слышно, как он мочится на землю. На фоне шума дикой природы, среди фантастической ночи был слышен тонкий шум, исходящий от Инаукуна. Выбравшийся из хижины отец Инаукуна нашел его по брызгавшемуся звуку в темноте. Встав рядом, отец Чалун занялся тем же, поглядывая на луну. Шумы Инаукуна прекратились, еще громче зазвучали звуки первобытной ночи.

– Хорошо видишь, сынок, повзрослел, значит, скоро отправимся в море. – Ползими уже хорошо, добро вижу, – отвечая отцу, Инаукун следил за луной, светящейся на фоне звездного неба. Луна временами пряталась за быстро ползущими тучами, но быстро возвращалась назад.

– Видишь, женщина с коромыслом идет, воду несет?

– Да, – уверенно подтвердил Инаукун.

– Старик гилык с седой бородой трубку курит? Видишь?

– Да. Большая, злая собака ни разу не появилась. Хорошо. Луну не пожирает.

– Придет, будем луну от нее спасать. Луна – муж, солнце – жена, эти звезды – младшие братья. На всех на них живут свои божественные хозяева. Со своими заботами. Сейчас луна светит нам, а его жена-солнце в подземном мире. Утром солнце вернется к нам, а луна пойдет в подземный мир, – Чалун, обняв сына, глядел вверх на небо.

Инаукун, широко открытыми глазами следивший за луной, заметив метеорит, удивленно разинул рот. Чалун, как и юнец, замороженный падающей звездой, проводив ее рукой до горизонта, восхищенно проговорил:

– Звезда в гости пошла.

– Когда в море? – Инаукун, оглянувшись на отца, увидел в его глазах похожего на себя юнца. – Пока не найдем братьев, в стойбище всё должно замереть. Ждать будем без сна и в одежде.

Отец, осмотрев звездное небо, приметил новую яркую комету, рассекающую небо. Комета упала неподалеку за лесом, последовала небольшая яркая вспышка в ночи. Чалун воскликнул, как юнец:

– А эта к нам в гости пришла. Небесный огонь принесла.

Инаукун, взяв в руки амулет, подаренный пираном Койвуном, приподнял его над головой и, глядя сквозь него на ночное небо, проговорил:

– Старейшина пиран Койвун говорит: «Однако всего раньше родилось море. Вначале была вода, потом Курн – хозяин вселенной сотворил землю».

Отец, посмотрев на сына, осторожно потрогал его амулет, затем перевел взгляд на лес за стойбищем, где полыхал участок леса вокруг упавшей кометы.

Вернувшись в жилище, Чалун лег спать в верхней одежде на свои нары и захрапел. Шаманка Чамук, продолжая сидеть у стены, словно впад в кому, иногда что-то выкрикивала. Инаукун, сняв накидку, лег спать на нары, как вдруг, опомнившись, привстал, оглядел спящих – все спали в верхней одежде. Инаукун, одевшись, лег поближе к Лидык, пристально смотрел на нее через деревянный столб посреди. Лидык открыла глаза, и дети уставились друг на друга.

– Дочь, дух – хранитель дома гневается на чужаков, – шаманка, подняв голову, посмотрела на дочь.

Девочка, присев, оперлась спиной о стену и мрачно глядела на мать. Мать из-под бровей следила за ней мутным взором. Инаукун встал, взял лежащую у ног клетку и пошел к выходу. Шаманка, остановив его, извлекла птицу из клетки.

– Принесем жертву и злым духам, – шаманка, прижав к земле куропатку, принялась резать ей шею.

Инаукун, забрав клетку с оставшейся куропаткой, вышел на улицу. Лидык, прихватив шкуру-одеяло, выбежала за ним. Встретив ее во дворе, мальчик, не теряя из виду луну, побрел в медвежий сарай, уводя с собой Лидык, которая также завороченно следила за луной.

– Злой пес не трогает сегодня луну?

– Нет, – Инаукун первый вошел в медвежий сарай, Лидык вошла следом за ним и плотно закрыла за собой дверь. Лидык присела на полку сарая, Инаукун присел на пол у ног Лидык, снял с ее ног унты из шерсти, поделился мыслями: – Пока братья не вернуться домой, следует спать в верхней одежде.

Сняв свои унты, Инаукун укрыл ноги обоих одним одеялом, повернувшись к Лидык спиной. Лежа друг к друг спинами, они быстро заснули. Инау-

куна тут же стремительно посетил сон: во сне Инаукун и Лидык сидели у реки, смотрели в отражение в воде, разглядывали друг друга.

– Ты хочешь отправиться к братьям, живущим среди богов моря?

– Став родичем богов моря, я буду посылать нашему роду много дичи, – Инаукун привстал, его лицо отдалилось от воды, он стал озираться по сторонам. – Я уйду к богам неба.

– Тогда мы никогда не встретимся, – печально промолвила Лидык.

Вдруг на их лица, отраженные в воде, наехала лодка, уперлась днищем носовой части в берег. Инаукун, поднявшись на борт, заглянул в лодку, приблизился к лежащим в лодке трупам Напуина и Лонгуна, поочередно заглянул в лица. Узнав родичей, испуганно отпрянул назад.

Проснувшись и придя в себя, Инаукун резко присел на полке, где они спали с Лидык. Наступило утро, и сквозь щели в стенах, в потолке в сарай проникал солнечный свет. Мальчик посмотрел на девочку, спящую спиной к нему, глянул на дверь, за которой доносились голоса, шум открывающихся дверей. Темнота рассеялась, пилян Койвун, открыв дверь священного амбара, вошел с масляной лампадой в руке. Кругом на полках лежали старинные священные вещи: посуда для ритуалов в форме птиц, рыб, зверей, идолы из дерева, инау, черепа медведей. На многих черепах вьющимися стружками виднелись истлевшие инау, но следы засохшего студня, которым их обмазывали, еще сохранились. Тут же на стенах висели края медвежьего рта с кончиками носа, срезанные с медведей. Медвежьи кости с кусками кожи, срезанными с окружностей лап. Здесь же хранилась вся утварь, используемая на медвежьем празднике: корыта для изготовления студня, корыта для кормления душ близнецов, чаши для сердца медведя, котлы, цепь с ошейником для медведя, половина родового кресала, которым разжигают табуированный огонь на медвежьем празднике.

Пилян Койвун посмотрел на сидящего Инаукуна и Лидык, лежащую на полке спиной к нему. С минуту поглазев на пилана Койвуна, дети вскочили и, прихватив клетку с куропаткой, выбежали из амбара. Пилян Койвун, взяв половину оставшегося священного кресала, несколько специальных деревянных корыт в виде зверей, вышел из священного сарая, спустился по бревну с зарубками. Амбар стоял на краю леса на четырех столбах из пней, возле амбара, раскинув древние ветви, виселось родовое дерево ч'вэ, вблизи которого происходит убийство медведя. Под родовым деревом ч'вэ – многовековой лиственницей – собрались старики, мужчины, юноши рода, на головах у которых красовались ритуальные украшения – инау. Кругом на ветках родовой лиственницы были подвешены многочисленные разнообразные инау.

Старики собрались для «кормления» хозяина гор и тайги, а также для отправления жертвоприношения хозяину неба, надеясь найти поддержку богов в спасении братьев. Глава рода пилян Койвун вместе с младшими братьями Паркизином и Иткуном решил просить богов, духов горной тайги и неба помочь младшим братьям вернуться живыми домой. Но они не ведали, что им также следовало обращаться к хозяину реки и моря, ибо их братья погибли от рук огненных птиц, сгорев и утонув в реке, текущей через тайгу. Повернувшись в сторону гор, пилян Койвун бросил по направлению к горам немного студня, несколько корнеплодов сараны, сушеный стебель пучки.

– Чух! – словно выдохнул глубинную любовь к своим богам пилян Койвун.

Под деревом лежало много деревянных идолов в форме зверей. Часть из них были гибридными с головами медведей, тюленей, сов, птиц и с туловищем человека. Старики вешали на дерево деревянные фигурки животных, стружки – инау, окрашенные соком брусники, олицетворявшими кровь жертвы. Старик Паркизин привязал к кусту под деревом черную собаку. Голова собаки была

украшена стружками – инау, выкрашенными соком ягод. Паркизин помазал ствол дерева красным соком брусники, а пилян Койвун складывал под деревом ветки, намереваясь зажечь их родовым кресалом, и разговаривал с деревом:

– Ты, лиственница, наш дух – предок, растешь, как человек. Твоя кожа – кора, листья. Наши плоды – дети, твои – цветы. Ты плачешь росой, дрожишь, как мы, от ветра, по твоим жилам течет общая с нами кровь. От тебя произошли все мы во все времена.

Старик Иткун, окуривая дерево, кружил вокруг него, затем начал посыпать табак на головы деревянных зверушек, прося помощи исчезнувшим братьям:

– Лиственница, говори с хозяином тайги, с хозяином неба, с нашими братьями – духами, откройте путь нашим детям, заплутавшим в тайге.

Старик Паркизин, вылив на землю чашку с водой, ссыпав крупу и табак, продолжил обряд, посыпая корни сарги, клубни саранки, юколу.

Горюя крепче других, потерявший детей Паркизин молил божества больше всех:

– Хозяин вселенной Курн, прошу, дай им дорогу. Верни моих детей. От нас болезни прогони, охоту лучшую дай нам впереди, на воде и на земле. Дела хорошие уготовь нам.

Чалун и юноша Касказик, срезав четыре ствола тальника, очистив их от коры, на одной из сторон начали застругивать длинные инау. Затем в верхней части стволов сделали изображения двух самцов и двух самок. Неподалеку за деревьями старик Палгун и двое подростков срубили три молодые елочки, украсили их боковыми стесами.

– Зря ветку не ломайте, дерево без нужды не рубите. Дерево чувствует боль, как человек. Из раны его идет кровь, оно от боли кричит. Если деревья больно срубят, сжигают, они плачутся друг другу, негодуют. Рубишь дерево, отсекаешь его ветку – всегда проси у него прощения, – старик Палгун не уставал наставлять молодых, обращаясь к ним, а также и к дереву, ласково поглаживая его. – Прости, лесной человек, мы уважаем тебя, ты не сердись на нас.

3

Инаукун с Лидык, прячась на берегу реки среди крупных камней, наблюдали за утками, рыскавшими вдоль берега. Инаукун держал за шею своего белоснежного пса, который рвался к птицам. После короткой борьбы пес наконец вырвался и понесся к уткам, распугивая их. Птицы разлетелись в разные стороны, а пес продолжал с лаем носиться по берегу. Инаукун и Лидык, поглядывая друг на друга, побрели по берегу реки. Собирая ракушки, камни интересной формы, водоросли, коренья, складывали всё в три разных мешочка.

– Почему близко к воде луна большая, а наверху на небе маленькая? – Инаукун испытующе посмотрел на Лидык. Та улыбнулась и, не найдя ответ, пожалала плечами.

– Напивается воды в море и раздувается, а наверху голодная да маленькая, как птичка, – улыбнувшись, Инаукун сам ответил на свой вопрос.

– А ты скажи, где глаза дерева? Зачем киты выпрыгивают из воды? Почему зимой спят медведи, барсуки, еноты? – в ответ вопрошала возмущившаяся было его всезнайством Лидык, но затем решила всё же выглядеть более достойной, успокаиваясь к концу занимавших ее вопросов.

– Оказывается, ты болтливая? Подумаю, скажу, – Инаукун, грызя найденный орешек, вдруг извлек изо рта последний сломавшийся молочный зуб и принялся рассматривать его на своей ладони.

– Выпал последний щенячий зуб, – Инаукун преподнес свой зубик псу. – Ешь, не то злой черт подберет и проглотит, через него заберется в меня.

Пес заинтересованно понюхал, затем слизал с ладони юнца зуб и проглотил его. Заметив белку-летягу, порхающую между деревьев, Инаукун с Лидык, расправив, словно крылья, свои руки, устремились за ней. Белка, раскидывая лапы, растягивая складки кожи между ними, летала с дерева на дерево. Глядя вверх, Инаукун с Лидык, не отставая от порхавшей на фоне неба белки, долго бежали за ней. Летяга не устая парила в воздухе, словно веселилась в компании бегущих за ней детей. Вскоре она исчезла за кроной очередного дерева. Но Инаукун, не останавливаясь, продолжал мчаться среди деревьев, увлекая за собой Лидык. От страха остаться одной в лесу, от горячих чувств к мальчику она не переставала бежать и кричать:

– Приносящий счастье – Инаукун, остановись! Остановись, приносящий счастье! Инаукун!

Добежав до выжженной поляны, Инаукун принялся искать крошечную звездочку, упавшую прошлой ночью. Бродя среди пепла по выжженной поляне, которая местами еще дымилась, дети рассматривали лежащие на ней природные останки.

– Небесный огонь пришел к нам с небесным телом, – Инаукун заметил среди пепла теплый кусочек черного блестящего камня, подобрал его. Приложив небесный камень к своей щеке и недолго подержав, передал его Лидык. – Ты говорила, в другой жизни перейдешь к небесным людям. Возьми, небесная птица.

Взяв в руку амулет Инаукуна, девочка приложила к нему кусочек теплого небесного камня, выбирая место, куда можно его поместить. Не найдя, положила амулет и частичку метеорита на ладонь Инаукуну, прикрыла их своею, улыбнулась:

– Мне он не подходит. Мне не стать такой, как моя мать, Инаукун, только вы с ней ходите в невидимый мир. Забери, в твоём амулете между луной и солнцем не хватает звезды.

Возвращаясь в свое селение на холме над рекой, дети продолжали примерять, искать свободное место для камешка на амулете Инаукуна. В лесу на обратной стороне холма мальчик установил пару силков и петель для куропаток и зайцев, которых хотел изловить, чтобы, приручив их, одомашнить. Выходя из леса, юнцы, любившие догонять друг друга, что выражало их потаенные чувства, понеслись наперегонки к селению, по очереди меняясь местами и догоняя друг друга.

Тем временем в селении у устья реки нивхи готовили летние жилища. Большая зимняя хижина располагалась на бугре у леса, а ниже у устья реки, ближе к берегу – старинные малые летние хижины на сваях. Селяне, разойдясь семьями по своим летникам, заканчивали обновлять, ремонтировать эти простые хижины в устье, соседствующие с морем. Сваи защищали от разлива реки, от пресмыкающихся и насекомых. Временами в небе кричали гуси, летевшие над побережьем моря на север. Птичий клин неизменно приковывал к себе внимание, неся смутные воспоминания. Подростки, юноши, мужчины, ремонтировавшие летние хибары, старики, дававшие советы по строительству нового летнего жилья, нет-нет да и поглядывали на птиц.

Летники состояли из двух помещений, переднее служило амбаром, другое позади – жилищем с открытым очагом. Внутри жилища стояли три нары – две продольные, идущие вдоль боковых стен, и одна поперечная – вдоль задней стены. В пространстве между нарами был расположен квадратный очаг, состоящий из четырех толстых досок, внутри которых был насыпан песок. На песке раскладывали костер, над которым вешали чайники. Между занятыми работой нивхами и летниками бродила малая часть ездовых собак, большинство же были привязаны к пестам у хижин. В летнее ненастье собаки битком набивались в переднюю часть, прячась от дождя.

Для хозяйственных нужд стояли срубные амбары на высоких столбах, на них ставили вешала для сушки сетей, неводов и юколы. Конструкция сушил была чрезвычайно проста. Между их столбами внутри сушила на других четырех столбах полутораметровой высоты был сделан небольшой помост для обработки рыбы, представлявший накат из нетолстых бревен. На помосте стояло корыто для икры, лежали доски для разделки рыбы. К помосту было прислонено бревно с зарубками – своеобразная лестница. В стороне от сушил стояли в виде шатра шесты для навешивания и нанизывания юколы.

Селяне перетаскивали из зимней избы в летники свои вещи – полки с посудой, тюленьи кожи, одежды, постели, собачьи шубы, мешки – всю домашнюю утварь. В летних хижинах они сразу принялись очищать помещения от злых духов, подкармливать любовью и едой добрых духов, да и всех разнообразных духов, обитавших в каждом камешке, веточке, огне, воздухе и воде.

Отец Инаукуна Чалун, с самого утра восстанавливая летник, убирался в своем летнем жилище. Во внутренней части жилища уже висела собачья голова, закрепленная им над дверью в сторону выхода. Жена – ымыка Татук помогала Чалуну втыкать между балками и крышей землянки священные инау. Затем они принялись втыкать между настилом крыши и балками символические изображения животных, их белые стружки свисали из-под крыши, словно украшения. Плоской ложкой Чалун взял по кусочку студня, бросил их на всех воткнутых под крышу поверх опорных балок четырех инау, изображающих самцов и самок животных. Таким же образом по куску студня он бросил в каждый из четырех верхних углов, образуемых соединением четырех балок, лежащих на опорных столбах. По нивхскому понятию он склеивал балки и говорил:

– Добрые духи, живите здесь, помогайте нам. Дайте большой покой, здоровье, счастье, удачу.

Затем, следуя тысячелетней традиции, он принялся кормить духов четырех опорных кок-столбов. Мазал столбы студнем, веря, что каждому духу, живущему в столбе, он реально мажет своей рукой губы. Затем он бросил студень в порог, а после этого в стену над дверью, не забывая молиться добрым духам:

– Собака, валяющаяся на спине, живущая под порогом и охраняющая дом, будь сыта и благодарна. Мы тебя любим, дух хозяина дома уважает тебя.

Стоя рядом с ним, жена Татук повторяла слова мужа.

Во всех домах родичи активно кормили духов летнего жилища. Палгун, совершив те же обряды, что и Чалун, вместе с женой Тымгук и пятилетним сыном принялся ставить елочки в очаг. В тот момент пришел пилян Койвун, привнеся в их жилище священное кресало. То была половина родового кресала, что он принес из священного медвежьего амбара, чтобы провести всем обряды.

Сев на корточки у очага, он принялся разжигать костер для сына, приговаривая:

– Родовой огонь, половина тебя ушла с нашим младшим братом Ыкылаком. Мы по традиции отдали ее временно в путь покидающему нас родичу. Верю, что вернутся они к нам.

Создав новый очаг и новый костер, пилян Койвун ушел в соседнюю хижину. Проводив отца из своего дома, Палгун с семьей продолжил обряды. При помощи жены и сына готовя необходимые вещи для ритуала, учил малыша:

– Самое святое в нашем доме – очаг. В середине очага живут старик и старуха – хозяева огня. Старик огня живет в стороне, обращенной к задней наре, а старуха – в стороне, обращенной к двери. Тебе нужно воткнуть в огонь вертел со свежей рыбой, втыкай его не посередине очага, где живут старик и старуха огня, а с краю, у самой его рамы. Остерегайся, как бы не уколоть их глаза.

Палгун, несмотря на свои богатырские данные, часто превращался в добрейшего младенца и сейчас ласково просил хозяина огня:

– Хозяин огня, не пускай болезни в наших детей, помоги нам хорошо жить.

Приговаривая пожелания, он молился, сознавая зависимость своего благополучия от всех других:

– Хозяин огня, пусть обилие, живущее на дне твоём, не кончается во все времена.

Закончив с очагом, Палгун бросил кусок студня наружу сквозь левый угол дымового отверстия:

– А это вам, добрые духи нашего дома.

Далее Палгун бросил по куску студня наружу слева направо, сквозь три остальных угла дымового отверстия:

– Духи гор, земли, воды, помогите быть счастливыми и полными радости.

Взяв в руки топор, Палгун грозил им духам за дверным проемом, затем воткнул топор в стойку в стороне двери. Нахмутив брови, потряхивая головой, гнал беду прочь от жилища:

– Злой дух, обходи мой дом, обходи, смирись.

Обойдя других родичей, пилян Койвун привнес в их жилища обновленный первозданный огонь. Возвращаясь, проходя мимо хижины Палгуна, он видел, как его сын с семьей освящали дом также и снаружи. Вернувшись к священному амбару, старейшина водрузил родовое кресало на традиционное место. Выйдя из священного амбара, пилян Койвун остановился у священного дерева, усыпанного инау. В нижней части дерева на слегка согнувшихся ветках висела растянутая свежая шкура черной собаки. К пилян Койвуну подошли вернувшиеся из леса Инаукун и Лидык. Преподнеся уважаемому старейшине найденный небесный камень, они пошли к летним хижинам, сопровождая его.

Вечером Инаукун сидел на высоком помосте, на котором обыкновенно чистят рыбу. Подростки под руководством Лидык развели под ним огонь из всякой ветоши, собачьего кала, всевозможного зловонного мусора. Мусор тлел, и дым тянулся вверх, к Инаукуну. Закрыв рукой нос, он часто моргал глазами, защищался от дыма, щиплющего лицо. С трудом открывая глаза и сопротивляясь, пытаясь держать их открытыми, несмотря на сильный зловонный дым, он бубнил:

– Всю зиму смотрел на снег, теперь на огонь и дым. Сильно злой запах. – После этого, наклонившись над костром, Инаукун подставил лицо под дым.

– Злой дух боится дыма. Быстро покинет глаза. Скоро четко и ярко всё рассмотришь, увидишь, – Лидык продолжала подкидывать новые частицы хлама в костер, собирая их вокруг костра на земле.

Закончив собирать три огромных костра, взрослые мужчины и юноши, дружно собравшись в круг, быстро их подождгли. Переминаясь с ноги на ногу, нетерпеливо переговариваясь, они смотрели на разгоравшееся пламя, ожидая, когда оно войдет в полную силу. Луна, окруженная красным светом, тенью и тучами, вскоре взошла над лесом. Она ярко освещала широкую поляну с собравшимися жителями селения нивхов. Старики, сидевшие рядом с кострами, с интересом рассматривали луну, обсуждая ее состояние:

– Видишь, живущая там собака опять злится, кидается на всех, – старик Иткун тыкал рукой в луну, на поверхности которой бродили обширные темные пятна.

Мужчины, женщины селения внимательно слушали их и хмуро кивали головами. Инаукун и Лидык, присев у большого костра, смотрели на пламя, различали в нем какие-то картины. Инаукун, показывая рукой на костер, произнес:

– Хозяин огня идет по своему селению. Спорит с хозяйкой огня. Верно, лучше видеть стал.

Нивхи оживленно кружили вокруг трех больших разгоревшихся костров с высоким пламенем, радостно перекликаясь друг с другом. Двадцатилетний юноша Касказик, отойдя подальше, приготовился прыгать через костер, при этом крикнув:

– Дух огня, принеси нам удачу, дай благополучия, дай! Принеси много здоровья, дай!

Разогнавшись и подбежав к костру, Касказик, удивительно высоко подпрыгнув, перелетел через первый костер, затем один за другим перескочил через пламя оставшихся двух костров. Его родичи, сильно оживившись, бодро зашумели и тоже с выкриками жизнеутверждающих пожеланий принялись преодолевать тройными прыжками три больших ярких костра.

Перепрыгнув три костра, Палгун остановился в стороне и стал наблюдать за родичами. Закурив трубку, он смотрел на веселящийся народ, затем медленно перевел взгляд на луну. На луне собрались скопления туч и теней. Красные, словно кровь, полосы медленно расползлись по ней. Рассмотрев на луне какие-то агрессивные движения свирепой собаки, Палгун подошел к отцу Койвуну, тоже наблюдавшему за весельем, и поделился своими переживаниями:

– Отец, смотри, все тамошние бедняги на луне разбегаются от этой злощущей псины.

Поднявшись, старик Койвун отошел в сторону, чтобы сосредоточить все свои мысли и внимание на луне. Тем временем вдруг выхвативший из темноты копые Палгун принялся усиленно махать этим грозным оружием в сторону луны. Обладающий богатырской внешностью Палгун вознес копые к небу, где его, вероятно, увидела злобная собака, что на луне. Не переставая, он угрожал той злобной собаке, обещая, что бросит в нее копые за то, что она грызет всех и всё на луне. Несколько раз подряд громко и яростно Палгун крикнул ей:

– Пошла отсюда! Не трогай луну! Не ешь ее, говорю!

Услышав крики Палгуна, родичи окружили его и, глядя на луну, заразились его видением природного ужаса. Им тоже начало мерещиться, что, пребывая на луне, эта яростная собака беспощадно грызет и пожирает ее. Тут же молодежь вспылала, возбудилась больше всех, готовясь защищать луну.

– Эта собака, живущая там, невероятно злая, вновь и вновь поедает луну!

Юноша Касказик, двигаясь впереди юных родичей, вместе со всей молодежью принес всякие железные предметы: топоры, котлы, пилы, чашки. Поделившись ими со старшими мужчинами, все они принялись стучать железом о железо, создавая шум против безумной лунной псины. Все возмущенно кричали на небесную собаку, ибо с собаками нивхи имели особые отношения.

– Сколько ее ни гоняй, не боится!

– А ну пошла прочь! Не трогай луну! Проколю!

– Последний раз пощадим тебя!

Инакун с Лидык тоже усиленно стучали железными гулками предметами, не переставая, кричали в сторону луны, отпугивая злощущую собаку. Некоторые из юношей начали бросать в небо горящие палки. Один из них принес лук, воспламенив в костре стрелы, обмотанные паклей, и принялся запускать их сквозь небо на луну. Единая толпа селян продолжала дружно и яростно кричать на собаку, желая запугать ее, приостановить ее столь безумные выходы в отношении доброй луны. Нивхи усиливали стуки в котлы, добавляя удары во все металлические предметы, тем самым выражая единство духа и мыслей о бытие.

Огромная луна в кровавых разводах, окруженная темным небом, всё еще продолжала бороться с мнимой грозной псиной. Женщины активно подбрасывали ветки во все костры, усиливая свет на ночной поляне, которая, вероятно, стала видна и самой животрепещущей луне. Костры ярко полыхали на поляне

спящей земли. Вероятно, ночь, как и луна, внимательно посматривала на крохотные фигурки нивхов, создавших шум ради спасения богоподобной луны. Их сердца требовали сохранять, возрождать хоть и не принадлежавшие им, но глубоко почитаемые душой, дарящие жизнь столь отдаленные, но родные и близкие космические существа. Так они умели видеть и любить незримое для других существ, что обитало в окружающей среде, в необъятной природе, во всем мире. Так они умели любить природу и весь мир во Вселенной.

4

Инаукун сильно утомился после бесконечной беготни и суеты, произошедшей днем под солнцем, ночью под луной. Наконец он забрался в свой летник, свалился в верхней одежде на свое спальное место и приступил к просмотру своих бесконечных снов.

Вот ранним утром он прибыл в соседнее устье реки на лодке главы рода. Сидя в ней и подняв ладонь к небу, он любовался крохотным красноватым, с размытыми краями солнышком, сидевшим на его руке. Держа руку снизу под солнцем, Инаукун медленно вел руку вверх, как бы поднимая солнце. Инаукун сидел напротив пилана Койвуна, который опустил весла в момент, как они выбрались в открытое море. Вдали над морем летела стая гусей. Инаукун провожал их взглядом, затем, вытянув руку вперед, он, словно человек-гигант, пытался условно схватить пальцами гусей, казавшихся крохотными точками на фоне его огромной кисти.

– Солнце, как и луну, может съесть злая собака, живущая там. Редко, но бывает: солнце начинает умирать, сначала ярко светит, потом на него наползает что-то черное. Это красная собака там живет и сильно хочет его есть. Вот солнце и помирает. Как вчера было с луной, так надо прогнать ее и от солнца, тогда собака надолго отстанет от солнца, и оно оживет. Чернота уйдет от него. В моей жизни солнце помирало два раза, и мы два раза его спасали, – пилан Койвун, как всегда, недолго и редко молчал, любил почаще учить уму-разуму Инаукуна.

При этих словах старика на лодку принялся наползать туман. Когда туман между мальчиком и стариком рассеялся, Инаукун увидел, что старик исчез из лодки. Вскочив, он испуганно осматривал море вокруг, заглядывал за борта. На море был штиль, морская вода едва плескалась о борт. Испуганный Инаукун, брошенный миром родичей – селян, в который раз оставаясь один в лодке, осознавая значимость отцов, не переставая шептал:

– Атыка... Атыка... Атыка... Отец...

Проснувшись среди ночи, Инаукун долго лежал и, глядя в потолок, размышлял, пытаясь понять причины возникновения этого сна. Когда он вновь заснул, его посетил старший брат исчезнувшего, вероятно, погибшего Напуина – Ыкылак. Ыкылак, покрикивая через реку, призывал юнца почаще прибывать к берегу реки, к границе их родовой земли, для сохранения родственной близости. Наобещал показать ему мир за пределами их земли, в который он невольно попал и сблизился с ним. В конце заявил, что он пришел к нему через сон, но следующим утром будет ждать его на этом месте.

Проснувшись ближе к рассвету, никого не предупредив о своих деяниях, Инаукун прямо через лес отправился к берегу реки, где проходит граница земель, принадлежащих их племени. Пройдя через лес, он приблизился к реке. Неожиданно позади него появился мужчина, который долго крался за ним на достаточном расстоянии, не переставая сопровождать мальчика. Он держал в руках копьё, на нем были штаны и куртка из собачьей шкуры. Когда Инаукун оборачивался, мужчина прятался за деревьями. Инаукун продолжал бежать, и тот, не отставая, следовал за ним.

Выйдя на берег неширокой, но глубокой реки, Инаукун осмотрел деревья. На ветках висели большие инау их рода, подчеркивавшие места и границы их обитания. Пристально осмотрев все деревья вдоль берегов, Инаукун резко обернулся. Он вдруг почувствовал присутствие невидимых им людей на своей стороне реки. Застыв, Инаукун долго вглядывался в лес на противоположной стороне. Встав на большой камень, мальчик крикнул:

– Я пришел. Кто меня ждет?

Мужчина, кравшийся позади, стоя за деревом, осторожно выглядывал из-за него, следя за мальцом. Крикнув, мальчик долго ждал ответа, но никто не отзывался с противоположного берега. Инаукун вновь громко крикнул, еще внимательнее всматриваясь в деревья на противоположном берегу. Прячущийся от него за ближайшими деревьями отец Чалун еще больше напрягся, когда из-за деревьев на противоположном берегу вышел мужчина. Инаукун побежал было назад к лесу, но, справившись с неожиданно охватившим испугом, остановился. Несмотря на чувство страха, он вернулся назад, дабы проверить подлинность своего сна, свои возможности ясновидящего.

Инаукун любил свой род, испытывал счастье, служа своему народу, жаждал предугадать радости и беды, ожидавшие их. Сегодня же хотел прознать, зло ли, добро ли уготовил и несет тот незнакомец, возникший во сне. Развернувшись, Инаукун вернулся на прежнее место, стал наблюдать за незнакомцем и слушать его.

– Эй, плохие глаза! Я твой дядя Ыкылак, что означает «плохой». Ты же соображаешь, что это значит? Мое имя можно кричать на весь лес, чертям не интересны отбросы. Плохой! Кому нужен плохой? Такова суть моего имени, хорошая маскировка. Решил вернуться к вам, передать добрую весть через тебя.

– Я уже хорошо вижу! Ты знаешь мое имя? Подумал, что ты демон, – Инаукун попытался вспомнить, что это за родственник, покинувший их, но не смог.

– Как положено, вслух твое имя не назову. Скрою от демонов. Имя твое – твое имя, оно дано тебе в честь нашего знатного предка, теперь оно держится на тебе.

Ответив, Ыкылак показал рукой на дерево за спиной мальчика. Обернувшись, мальчик посмотрел на дерево, на висящие на нем и покачивающиеся на ветру инау. Инаукун понимал, что этот человек абсолютно точно, верно по смыслу осознает его собственное имя, а также имя его деда.

– Те, с кем живу сейчас, хотят дружить, обмениваться подарками. Их дочь – моя жена. Все уйльта хотят видеть мой и твой, ваш род. У них многое похоже, схоже с нами. Передай пилану Койвуну, пусть ждет гостей. Больше родичей – больше удачи.

Внимательно слушавший мальчика и кричавший ему через реку свои пожелания, державший за плечом старую огненную палку – ружье Ыкылак, ставший ныне уйльта, неожиданно быстро развернулся и скрылся в лесу. Прижавшийся к дереву отец Чалун внимательно прислушивался к разговору сына с бывшим родственником. Но из-за шума реки, большого расстояния многого из слов Ыкылака он не смог уловить. Тем не менее он крепко верил в своего сына, в его преданность своему народу, несмотря на необычные поступки и поведение мальчика. Прибыв сюда, где начиналась земля соседей, сын наверняка подчинялся своей интуиции, призывавшей стеречь свои рубежи. Отец верил всем его снам и видел, что живущий в нем провидец носит черты шамана.

Вновь отправившись следом за сыном, он решил проверить, насколько у него быстрая реакция. Убежав для этого по лесу вперед, он стал его подстергать, спрятавшись в лесу. Возвращаясь назад к селению, Инаукун двигался между лиственницами и соснами, когда вдруг неожиданно из-за ближайшего

дерева ему навстречу выскочил его отец. Инаукун выхватил из-за пояса нож, но, узнав отца, заулыбался и расслабился, облегченно вздохнув.

– Опять один. Тут охотятся сотни злых духов, они подстерегают наши души, – излив свой гнев, отец развернулся и пошел по лесу впереди Инаукуна.

Придя в себя после неожиданного испуга, продолжая настороженно оглядываться, Инаукун приложил свое ухо к рядом стоящему дереву. Слушая нутро дерева, он смотрел вслед уходившему отцу. Он имел способность слышать разговоры между духами леса. То была или его фантазия, или реальная способность. В воздухе вокруг дерева кружили, мелькали вездесущие крылатые насекомые, было слышно, как трепещут и жужжат их крылышки. В звуках родного леса он угадывал смыслы бесед живого мира. Из-за ствола по коре дерева выполз огромный паук, глядя на него. Инаукун шагнул назад. Отступая, он понаблюдал за пауком, ползшим по дереву, затем, развернувшись, побежал вслед за исчезнувшим за многочисленными деревьями отцом.

Мелькая между деревьев, Чалун шел впереди, при этом рассматривая разные следы живых существ на земле. Догнав его и поравнявшись с ним, Инаукун вложил свое оружие в ножны на поясе и зашагал рядом с отцом. Некоторое время они шли молча, поглядывая друг на друга. Наконец, сын принялся объяснять свой поступок:

– Ночью во сне пришел его дух, просил подойти к нашей нижней речке.

Слушая Инаукуна, отец сосредоточенно смотрел на него, затем, прервав затянувшееся молчание, заговорил:

– Ыкылак искал врагов в нашем селе. Осквернял семью младшего брата, хватал его жену, тащил в лес, плевал на все родовые запреты. Мешал им жить, порезал руку брату Напуину, обнаглев, растоптал священный очаг дома. За то и прогнали. Но все же Ыкылак – часть рода. Когда уходил, ему по обычаю передали половину родового кресала. В нем огонь предков и закон предков.

– Он сказал, у него новая жена из рода уйльта. Уйльта придут с ним крепить узы. Узы крепить.

Отвечая отцу, Инаукун заметил, как впереди на тропе возник лось. Застыв, мальчик обернулся к Чалуну.

– Священное животное вселенной Курн, его дух – проводник между людьми и невидимым духовным миром.

Чалун ушел в сторону с тропы, освобождая путь лосю, сын тут же последовал за ним.

Обойдя кругом через кустарники стоявшего лося, они скрылись между деревьев. Выйдя из леса, отец и сын попали в каменный каньон, где на земле и склонах лежали тысячи отколовшихся от скал валунов. Заметив между камней тушку умершего соболя, рассмотрели, что шкура свежа и блестит, как на живом существе. Постояв, отец и сын двинулись в сторону. Обойдя труп животного, пошли к малой реке, тихо бурлившей среди валунов.

Подведя отца к воде, Инаукун решил высказать свои рассуждения. Присев на берегу, он глянул на свое отображение.

– Первый дух смотрит за мной из воды, второй идет за мной весь день, – Инаукун ткнул рукой в свою тень, затем обнюхал себя, – третий дух у меня в носу. Еще несколько прячутся в горах.

Встав в полный рост, Инаукун громко крикнул в сторону гор:

– Добрый дух!

Эхо несколько раз повторило за мальчиком, затем, неожиданно, словно отозвавшись на его крик, из лесу вышел одинокий медвежонок. Прошлым вечером медвежонок долго бежал за лодкой с погибшими отцом Напуином и сыном Лонгуном, словно лодка была его матерью, а может, ему казалось, что медведица-мать там, внутри.

Закат, как всегда, растворялся, не встречаясь с ночью, она же спешила, насколько могла, начать властвовать над землей, окутывая всё вокруг темнотой. Если ночь забирает всё в свои объятия, почему остальные явления природы не могут бороться за власть? Тогда и земле положено требовать подчиняться ей и ее помощникам. Сын земли – берег, вытребовал у реки плывущую лодку, и она ненадолго уперлась носом в песчаную косу. Видя это, бежавший за лодкой медвежонок подобрался к ней и, встав на задние лапы у борта, пытался заглянуть в нее. Сумев забраться в лодку, он обнюхал мертвецов, их вещи, потоптался, пошарил носом по углам, выбрался из лодки на берег и, растерянно озираясь, побрел в сторону леса.

Обгоревшая изнутри лодка вновь медленно ушла вниз по течению. На одном из поворотов ее развернуло боком поперек и, наскочив на большие валуны, торчащие из-под воды, она легко перевернулась. Тела Напуина и Лонгуна вывалились в реку, лодку равномерным течением понесло к морю, а тела ушли ко дну. Медвежонок же, по действиям реки еще раньше понявший, что не стоит бежать за лодкой с мертвецами, ушел своей дорогой. Бродяжничая более суток по краю леса, он всё поглядывал в сторону реки. Отощав и измучившись от страха, нюхая всё подряд, он искал себе что-нибудь съестное, ковырялся в кустах и в земле. Услышав сегодня голоса, схожие с голосами погибших, почуяв запах, подобный их телам, он скоро вышел к реке. Одинокий и испуганный, с утомленным взглядом, он робко озирался по сторонам.

Медвежонок, настороживший нивхов, стоя в ожидании неприятностей, наблюдал за отцом и сыном. Увидев его, Чалун вскочил на ноги и, озираясь, искал глазами его мать-медведицу. Схватив за руку Инакуна, отец ринулся вниз вдоль реки, затем в сторону леса. Они зигзагами неслись между деревьев в лесу, а медвежонок, несколько отстав, настырно преследовал их. Очень скоро они приблизились к своему летнему селению. Выскочив из леса, где с краю на небольшом холме стоял их огромный зимний дом, они продолжили бежать к устью реки, где у воды, дымя трубами, стояли их летние жилища. Остановившись у них, отец Чалун наконец осознал, что медвежонок – одинокое существо, и, еще раз глянув в сторону леса, присел на пенек. Медвежонок же приближался к ним, подбирая с земли крохи пищевых отходов, брошенных селянами, и жадно их поглощал.

– Не отстал. Плохо. Хозяин гор шлет медвежонок в утешение родителям, потерявшим детей Напуина и Лонгуна.

Выслушав отца, Инакун перевел взгляд с медвежонок на противоположный берег реки, где в тени под деревом увидел призраки Напуина и Лонгуна. Их уставшие духи в мокрых, обгорелых одеждах едва стояли на ногах, взирая на них.

– Духи утопших братьев стоят, – Инакун указал рукой на тени под деревом.

Отец Чалун глянул на указанное сыном место у реки. Первобытным, чутким воображением он мгновенно сформировал в своих глазах образы потерянных душ братьев, стоящих в тени. Реально видя воображаемую иллюзию – призраки братьев, он ответил:

– Боюсь, их кровь оторвалась и душа оторвалась.

Вскоре с разных сторон из-под летников выскочили собаки и, гавкая, ринулись на медвежонок. Чалун принялся кричать на собак, но те, игнорируя его, погнались медвежонок к лесу. Забравшись на ближайшую сосну, звереныш поглядывал вниз. Окружив дерево, собаки неустанно металась, усиленно гавкали-рычали на кровного врага, что всё выше и выше поднимался к верхушке дерева. Видя неспроста прибывшего медвежонок, селяне понимали – так поступил хозяин гор и тайги Пал Ыз, утешая и покрывая скорбь семьи умерших. Не только старейшина и седовласые мужчины, но и детки-нивхи ведали-понимали, что где-то уже покоятся тела братьев-родичей, а их души ищут себе

новое пристанище. Все старались молчать, не болтать об этом утешающем послании одного из Всевышних.

Старейшины, опасаясь гнева хозяина гор и тайги за их упрямство, игнорирование его заявления и послания относительно смерти братьев, ближе к вечеру всё же провели последний обряд надежды и поиска. Собравшись у костра вокруг шаманки Чамук, они смотрели, как она готовила свою помощницу сову к поиску потерянных братьев либо их тел. На невысоком кусте, озираясь по сторонам, сидела ее прислужница – белая сова Чамук, а шаманка быстро и усиленно дышала, крутила руками вокруг совы, походив на безумную, задыхающуюся старуху. Стоя напротив совы, она глядела в ее глаза, водила руками вокруг ее головы, где была закреплена высохшая кожа головы крохотной косули с останками больших ушей и тонких рожек. Камлая и совершая судорожные движения, шаманка собирала в воздухе бродившую энергию, невидимые силы бытия потустороннего мира, и гвоздила их к сове. Взбрасывая руки в небо, мощью неизведанных и невидимых сил она подкинула птицу в ее ночное родное поднебесье. Стремительно вспорхнув с куста, сова моментально исчезла в темном воздухе над лесом. Шаманка еще некоторое время продолжала заниматься ритуалами и вскоре завершила моления-требования к потустороннему миру. Старейшины селения разбрелись по своим сторонам, они молча шли под взором луны, дабы рано утром отправиться в лес.

5

Следуя за шаманкой, занявшейся поиском совы, уже с раннего утра нивхи прибыли к берегу реки. Застав сову на дереве, они наблюдали, как, взлетев и покружив над рекой, вскоре она улетела вверх по течению. Свершив большой круг, сова вновь спустилась вниз к реке, а затем вернулась вверх ко второму изгибу реки. Сев на дерево у продолжительного изгиба реки, сова прошла по ветви ближе к стволу и замерла. Женщины, шедшие за мужчинами, которые, поднявшись вверх по реке, остановились у изгиба, тоже приблизились к ближайшему участку воды. Родственники Напуина и Лонгуна окружили заводь, встали над затопленной лодкой, застрявшей в омуте у берега. Молодые парни под руководством мужчин вытянули ее на берег, перевернув, вылили всю воду. Старики же внимательно осматривали обгоревшие борта. Поникший хемара Паркизин сидел на земле, обхватив обеими руками поседевшую голову. Его старшие братья пилан Койвун и Иткун осматривали обгоревшее дно и все стены лодки.

Хемара Иткун обратился к пилану Койвуну:

– Обгорела. Огненные птицы опять охотятся за горными людьми, а падают в нас.

– Дерево, разбитое молнией, трогать нельзя, нельзя прикасаться к человеку, убитому молнией. Человека мы должны оставлять там, где он найден убитым, – пилан Койвун, взяв багор, отправился вверх по реке. Старики, мужчины, юноши, подхватив багры, шли за ним, внимательно осматривая берег и омуты под ним. Инакун шел рядом с отцом Чалунем и юношей Касказиком.

Чалун, обращаясь к ним, никак не мог успокоиться, разясняя ситуацию:

– У огненных птиц-твынт изо рта бьет огонь, когда машут крыльями – раздается гром. Зимой прячутся на дне и живут подо льдом. Как лед уходит, птицы-молнии вылетают. Тогда горные люди, что в своих лесах прячутся под слоем земли, ходят и приподнимают ее. Они хоть в дерево войдут, да хоть в камень. Молния достигнет и дерево изломает, камень изломает, их убьет. Часто горные люди превращаются в шмеля, залетают, забираются в нашу одежду. Мы одежду вытряхиваем, тогда они прячутся в пуговицу. Молния в нас ударяет и убивает, а горные люди выскакивают вместе с нашей кровью, остаются живыми. Молния думает, убила горного человека, и улетаёт, а он остается

живым. Но в пуговицу прячутся лишь маленькие пяти-шестилетние горные люди и, не имея ума, спасают себя.

Пролетевшая над ними сова быстро скрылась за кроной дерева. Пройдя вверх по берегу, юноша Каскизик первым нашел ее и позвал селян. Напротив дерева, где сидела сова, селяне баграми прощупали водяной омут. Мужчины и юноши шестами и баграми прощупали дно и, найдя погибших Напуина и Лонгуна, вытянули их на сушу. При попытке перевернуть тела братьев вдруг услышали громкие выбросы воздуха, вырвавшиеся из воды. Звуки от скопившихся газов перепугали селян, и они отошли назад. Постояв некоторое время в стороне, вернулись и перевернули трупы лицами вниз, чтобы не видеть их глаз, через которые злые духи могли причинить вред. Вытянув тела на камни и песок, они оттащили их подальше от берега, положили лицами вниз, ногами к воде. Постелив на землю траву, листья, срубив ветви с кустов и деревьев, родичи закрыли ими тела утонувших.

Ночью старики собрались для принятия решения об умерших детях Паркизина в его хижине. С утра пребывая в напряжении, он думал, что ему придется спорить с братьями и главное со старейшиной Койвуном. Следовало убедить братьев, что умершие достойны сожжения тел, дабы их души нашли себе покой в мире духов, а не остались бродячими призраками-теньями без пристанища и родины, что происходило с нивхами, погибшими от огненных птиц. Старики долго молчали, слушали, как за стенами яростно лаяли собаки. Они знали, что духи утопших бродили по селению, не находя себе нового мира. Старики переглядывались, пытаясь разгадать чужие мысли, искали скорой поддержки друг у друга. Опустив голову, грустный хемара Паркизин всё время молчал. Тогда старики, хмуро взиравшие на костер, что всегда жил между ними, принялись рассуждать.

Первым предложил свой вариант хемара Иткун:

– Думаю, не молния первая в них вошла. Когда перевернулась лодка, тогда и утонули они, затем огненная птица ударила в них.

– Бывает, после огненной птицы человек остается живым. Могли они убежаться от молнии, а потом утонуть, – внес дополнение, поправку в смысл произошедшей трагедии в пользу своих братьев пилан Койвун. – Думаю, они из числа тех, кто утонул, а затем их ударила молния. Нам стоит сжечь их тела. Их душонки, как злющие, свирепые духи, бродят вокруг селения, среди наших собак, теребят всех наших родичей.

Наконец старик Иткун, прекратив нервничать, приостановил сочувствующие братьям мысли-соображения.

Потеплев лицом, очень благодарный братьям Хемара Паркизин высказал свое мнение:

– Души их стали грешными да злыми. Всё мечутся вокруг, а ночью забегутся в наши дома. Вот тогда и придется ловить их души, да в том доме, куда забредут.

– Верно. Души замаются, бродя между хозяевами семи стихий природы, да никуда не попадут, даже в царство мертвых. Оттого, что они утонули, – вновь поддержал своих братьев старик Иткун.

– Если нашего родича задрал медведь, убит он или сгорел, может, нечаянно утонул в воде, такой человек переходит в род вызвавших к себе полюбивших его богов. Наши братья отныне войдут в клан морских хозяев, станут их сородичами – помощниками. Не забудут и нас. Души их станут помогать нам, как смогут. Знаю, будут помогать. Морских хозяев к нам расположат. А мы станем их вечно поминать, – старейшина Койвун, поддержав братьев, поставил точку в разночтении селян относительно варианта похорон.

Старейшина Койвун, что высказался последним, продолжал курить общую трубку, передавая ее по кругу.

Утром сельские собрались на берегу реки. Все принялись строгать священные ритуальные инау. Юноши собирали бревна-пльвуны, затем, разобрав ветки, под которыми лицами вниз лежали утопленники, повернули их ногами к берегу. При этом ритуале использовались лишь ветви и бревна, извлеченные из воды. Отведенное место на берегу устлали большими листьями растений. Баграми на них уложили обоих утопленников, ногами к воде, а лицами вниз к земле и головами к верхней части берега. Из пльвунов приготовили клетку для костра, подложив под каждую из сторон по три бревна. Всеми инау выстлали поверхность клетки для костра, сделали из них «шапку» и накидку – «шубу», затем одели их баграми на утопленников. Под каждого из утопших по очереди подсовывали по три шеста. Шестеро мужчин, по двое с каждой стороны, приподняли тело на шестах, затем опустили лицом вниз на костер, головой к берегу да ногами к воде. Одев утопленникам по три слоя одежды, все их принесенные личные вещи положили рядом на деревянную клетку. Под четырьмя углами клетки мужчины одновременно зажгли всю ветошь. Костер начал разгораться, родичи же, стоя, смотрели на костер.

Пилан Койвун обратился к стоящему рядом с ним мальчику Инаукуну:

– За пламенем костра есть другой свет, другая земля. Там они заживут, прямо как здесь. Только бедный там будет богатым, а богач – бедняком. Злой – добрым, добрый – злым.

Женщины запели песню-плач чырйудь, выражая скорбь по умершим. Пока родичи долго и грустно пели, костер начал догорать, а сгоревшие бревна осыпаться. Пепел же рассыпался, расползаясь и отлетая во все стороны.

– В новом мире зовитесь новыми именами. Раз вы отец и сын, то отныне будете зваться Дерево и Лист. – Так как они вновь переродились в новом мире, пилан Койвун определил им новые имена – образы нового бытия.

Полностью догорев, тела вчерашних утопленников рассыпались вместе с древесным пеплом. В середину прогоревшего костра, между оставшимися углями и костями, парни вбили первый кол. В него воткнули рыболовный крюк с ремнем. Ремень оттянули в сторону восхода солнца, затем обвели вокруг кострища в сторону захода и привязали к новому колу, тут же вбитому возле первого. Вокруг кострища втыкали прутья – жилище для утопленников. На расстоянии от воды, чтобы не достал разлив реки, поставили лодку утонувших – своеобразный памятник, ч'иглаф.

Лодку установили очень ровно, чтобы она потом не накренилась. По сторонам лодки воткнули четыре весла – по паре на каждого утонувшего. Весла воткнули рукоятками в землю напротив уключин. У левого борта лодки положили по четыре тщательно выструганные палки – прообраз частей плавающей остроги. Возле кормы положили направляющее приспособление плавающей остроги. Около носа лодки установили рулевое колесо, деревянный черпак для вычерпывания воды. На небольшом расстоянии напротив кормы лодки в землю стоймя воткнули шест. Напротив носа лодки в землю загнали еще два шеста: один вблизи носа, другой подальше. На одном шесте, около носа лодки, на ремне повесили железный поворотный наконечник гарпуна, надеваемый на направляющее приспособление плавающей остроги. В самую середину внутренней стороны носовой части воткнули крючок для ловли тайменя. К крючку привязали ремень, что был привязан к тому же шесту. Лодка выглядела так, словно была привязана к месту ремнем и крючком. Перед вторым шестом в землю воткнули две фигурки, обернутые в два вида трав. У фигурок сбоку воткнули крючок для лова тайменя. От крючка тянулся ремень, привязанный к шесту. На широком верхнем конце шеста подразумевалась голова, на которой ножом вырезали контуры лиц. Вокруг лодки и фигурок в землю воткнули ветки тальника и ольхи, по три прута от каждого кустарника на каждого утонувшего.

Старики, обособившись от остальных, зажгли в стороне от всех костер и принялись готовить студень. Женщины, собравшись у другого костра, также взялись готовить студень. Стоило нагреться котлам, как сразу в них закипел студень. Старики налили студень в маленькое корытце, сплетенное из тонких прутиков. Далее одни старики побрели к берегу реки с традиционным корытцем в руках. Мужчины, юноши, женщины наблюдали за ними. На берегу реки старики опустили корытце в воду. Вспомнив своих детей, Паркизин, заикаясь, горько запричитал:

– Духи воды, знаю, забрали вы моих сыновей за мою вину. Подскажите, чем провинился я, впредь вас обижать не стану, не смогу. Буду много думать теперь.

Течение сразу подхватило корытце и унесло прочь от берега. Все наблюдали, как оно скрылось за первым поворотом реки. Мужчины, прихватив студни, приготовленные женщинами, подошли к реке и спустили на воду корытца, таким образом кормя духов воды. Тем временем старик Иткун привязал ремнем к стволу лиственницы свою белоснежную собаку. Ее голова была украшена стружками инау, выкрашенными красным соком ягод. Старик Паркизин поднес к ней корыто со студнем, юколой из кеты, маньчжурским табаком, маленьким берестяным совочком. Всё это связав под шеей собаки, он собрал ошейник из белоснежных инау и растений. Затем он одел на шею собаки ремennую петлю, конец которой был привязан у самого основания воткнутых в землю стволов деревьев. Старик Иткун, взяв берестяной совочек, поломал его и, положив на него студень, дал собаке поест. Отрезав кусок от принесенной юколы, также преподнес его белоснежной собаке. Пока кормили собаку, старик Паркизин крепко держал ее обеими руками, не позволив ей вырваться, и сильно радовался, что отправляет собаку к сыновьям:

– Хозяину моря верно служи, стань заступницей за наших сыновей.

Старик Иткун поправил ремennую петлю на голове собаки и между ее ушей. Обхватив обеими руками ее морду, крепко сжимая голову собаки, он не позволял ей двигаться. Старик Палгун, подхватив собаку за передние лапы, пропустил между ними нижние концы стружек и трав. Юноша Касказик, схватив ее за задние лапы, потянул назад. Трое принялись растягивать животное в разные стороны. Ремень стал натягиваться, сжимая петлю на шее собаки, которая упала на бок, судорожно дергая ногами.

Старик Паркизин отнес корытце со студнем к воде, поставил корытце на берегу. Щепочкой, обструганной наподобие лопаточки, он вырезал из студня кусок еды примерно с ладонь величиной. Воткнув в него несколько корнеплодов сараны, покрыл их листом маньчжурского табака. Перевязав стеблем высушенного лопуха получившийся сверточек, бросил его в воду метров на десять от берега. Взяв щепочкой еще кусочек студня, тоже бросил его в воду. Так он трепетал перед хозяином моря, к которому ушли души его любимых детей.

– На тебе еще. Не подумай, я для тебя ничего не жалею.

Оставшиеся родичи сняли с собаки петлю, разложили ее на земле, растянув в стороны передние и задние лапы, повернули ее тело мордой к заливу. Конец ошейника из стружек и растений аккуратно засунули под брюхо собаки. Затем полностью разрезали собаку: тело, голову и лапы, внутренности оставили тут же на берегу залива. Ошейник из стружек и трав повесили у основания деревца. Кожу и мясо унесли с собой, раскидывая часть из них по берегу.

Инаукун стоял рядом с пиляном Койвуном, слушал его размышления:

– Не всякая собака удостоивается этой высокой чести. Однако душа собаки всегда невредимая убегает, уходит к хозяину ее души. Вон, видишь, к водным людям пошла. Гостинцы потащила. Ну, покормили их, скоро за тюленем пойдем.

Инаукун обрадовался, услышав о предстоящей поездке на море, посвященной его инициации – испытанию на зрелость.